

АКТРИСА И ЕЕ ГЕРОИННИ

17 ДЕК 1978

ЧЕЛЯБИНСКИЕ РАБОЧИЕ

г. Челябинск

В СПЕКТАКЛЯХ современной драматургии у ее героинь обычные девичьи имена: Маша («Самая счастливая» Э. Володарского), Катя («Пять вечеров» А. Володина, «История одной любви» А. Тоболька), Нина («Старший сын» А. Вампилова), Люба («Фантазии Фарятьева» А. Соколовой), Валя («Русские люди» К. Симонова, «Валентин и Валентина» М. Рождина, «Прошлым летом в Чулымске» А. Вампилова) и еще делая череда менее заметных Валь, Галь, Кать...

Ее героини юны, милы пробуждающейся женственностью. Это заложено еще драматургами, и если бы Валентина Качурина остановилась, как на главном, именно на этом качестве своих героинь, зрители, ваверное, не были бы слишком придирчивы к молодой актрисе — за неподдельную молодость, красоту мы готовы простить некоторую поверхностность в разработке образов. (Эта наша зрительская снисходительность испортила, к сожалению, не одну начинающую актрису: легкий успех, гарантированный обаянием молодости, в начале пути, а как следствие — горькое ощущение профессиональной ограниченности в ролях возрастных, характерных).

Валентина Качурина сформировалась как актриса в Челябинске. Она приехала сюда через два года после окончания Саратовского театрального училища и довольно долго была на маленьких ролях милых девушек, которые есть почти в каждой современной пьесе: подружки главных героинь, мимолетные увлечения героев. Редкие из них отличаются «лица необщим выражением». Театр словно забыл о том, что, приглашая молодую актрису, он становится ответственным за ее творческую судьбу.

Не растерять обретенное во время учебы помогли Качуриной, пожалуй, ее незаурядное трудолюбие и осознанная с ранних лет необходимость дотянуть других, к кому знания пришли раньше и легче, чем к ней.

Банальна, раскатана по многим мемуарам преступная в своей рекламности история о девушке из медвежьего захолустья, сначала

нелепой, смешной в городском окружении, а потом убедившей силой таланта всех в своем праве на место в искусстве.

Но что же делать, если у Качуриной все было именно так... Девчонка из пензенской глубинки (в селе Украинцеве и электричество — то провели уже на ее, Валентиной, памяти), не видевшая толком театра, но собиравшая открытки с портретами киноактеров, после восьмилетки сорвалась с места — поступать в Саратовское театральное училище. А ее и к экзаменам-то допускать не хотели — шестнадцать лет не было. Умолила, вырвала. Читала Маяковского и Фадеева («Мама, мама, я помню руки твои...»), а комиссия не могла сдержать смеха от ее деревенской скороговорки, от проглоченных окончаний («знаю, понимаю»). К трем турам ее допустили, а в училище не приняли. И вернулась в слезах в деревню — к наемщикам: «Артистка, понимаешь, объявилась, не по себе дерево ломаш, девчонка». А в сентябре вдруг пришел тоненький конвертик из Саратова: типографским набором текст: «Вы приняты, к занятиям приступить к 1 сентября», а внизу, от руки, теплое, человеческое: «Вал, если опоздаешь, не волнуйтесь, все будет хорошо».

Хорошо-то хорошо... Профессиональные дисциплины, впрочем, сразу пошли довольно легко, а вот общеобразовательные... Ее еще на вступительных экзаменах напугала реплика одной из абитуриенток: «Спрашивали о «Гамлете». Если бы этот вопрос задали Качуриной, опозорилась бы: кто такой Гамлет, Валентина не знала, Шекспира в восьмилетке не проходили, а телевидения в Украинцеве не было. Впрочем, не один Шекспир был для нее белым пятном.

Над ее усердием одобрительно посмеивались...

В серьезных ролях ее не видели — до тех пор, пока в Челябинске не появились режиссеры, которые не только заметили хорошие внешние данные актрисы, но и поверили в ее профессиональные возможности: Наум Орлов, Игорь Перепелкин, Эдуард Ливнев, Владимир Тюкин.

Внешне будто бы ничего не изменилось: ее героини носили все те же уменьшитель-

ные девичьи имена. Но это были уже другие Вали и Кати. Другой была прежде всего драматургия — внимательная к внутреннему миру человека, проблемная, не боящаяся острых углов.

Володинские «Пять вечеров» я бы к успехам театра не отнесла: хорошие актеры даже при очень хорошей пьесе не могут создать стройного спектакля, когда нет интересной режиссерской мысли. Но если артистам опытным, таким, как Леонард Варфоломеев, в общем-то не привыкать заполнять своей актерской техникой режиссерские пустоты, то для Качуриной удача в образе Кати — удача принципиальная. Ее Катя — маленький храбрый солдатик справедливости, хоть его не так легко сразу разглядеть в ершистой, несколько даже вульгарной девочке с почтой.

О спектакле «Русские люди», поставленном Наумом Орловым, писалось много, особенно после московских гастролей театра. Мягко, тепло, лирично рассказывал спектакль о людях, поставленных войной в обстоятельства, требующие подвига, и совершающих этот подвиг, даже не сознавая, что это — подвиг, просто поступающих так, как надо. Валя в исполнении Качуриной — обычная девушка, возможно, в мирные дни не совершившая бы ничего заметного. Просто честный, чистый и добрый человек. В другой пьесе Симонова — «Так и будет» — об одном из героев говорится: «Ему счастливым быть идет». Вот и Вале очень шло бы быть счастливой простым житейским счастьем: быть любящей женой, терпеливой матерью... Режиссер выстроил образ Вали, а Качурина сыграла так, что понимаешь: истоки готовности к подвигу лежат вот в этой самой готовности к простому человеческому счастью, в понимании его непреходящей ценности.

И Люба — «Любасик» в нервном, прихотливом, сложном по стилистике спектакле Игоря Перепелкина «Фантазии Фарятьева». В начале спектакля — дерзкая девчонка с категоричностью, присущей юности, отгораживающаяся от мелких, как ей кажется, забот матери и сестры. Как нелегко приходится к ней осознание своей причастности к судьбам окружающих... Как трудно дается понимание сложности жизни, неоднозначности ее явлений, уважение к внутреннему миру другого человека. Какой нелегкий это труд — взорослеть...

Да, сегодняшние Кати, Вали, Любы артистки Качуриной не похожи друг на друга и не просты. Ведь в какие бы годы ни жили современные героини актрисы: в военные, как симоновская Валя, в пятидесятые, как Катя из пьесы Володина, или в семидесятые, как Люба из «Фантазии Фарятьева», Качурина смотрит на них глазами сегодняшней молодой актрисы. И каждая такая роль — очередной штрих в портрет нынешнего поколения молодых, портрет сложный, полифоничный. Очередным штрихом будет, надо надеяться, Неля из «Жестких игр» Алексея Арбузова — над этой ролью актриса работает сейчас с режиссером Наумом Орловым.

У Качуриной есть две роли в классическом репертуаре — Саша в чеховском «Иванове» и Шура в «Юре Булычове» Горького. Обе работы тепло приняты зрителями, но сама актриса ими неудовлетворена. Классика строга к актеру, хорошо, что и актриса особенно строга к себе в классике.

И еще две роли, говорящие о более широком, чем принято было думать, диапазоне Качуриной: Анжелика в «Бале манекенов» Бруно Ясенского (режиссер Ежи Яроцкий) и первая в творчестве актрисы «возрастная» роль — Эмма Герберт в инсценировке романа Юрия Бондарева «Берег» (режиссер Игорь Перепелкин). Здесь смелое вторжение в жизнь, знакомую ей лишь по литературе, по кино.

Артистка, играющая ведущие роли в спектаклях театра имени С. Цвиллинга, хочет она того или нет, становится продолжательницей традиций, заложенных на сцене нашего театра такими актрисами, как А. С. Лескова, И. Г. Баратова, С. С. Прусская, Т. О. Золотарева, О. В. Климова. Они очень разные. Их объединяет лишь то, что это — хорошие актрисы. Их помнят. По ним оценивают сегодняшних мастеров сцены. Хорошо, что Валентина Качурина это понимает.

И. МОРГУЛЕС.